

Говорят, истинная красота кроется в костях, а не в коже.

Имя Лян Ланъина прогремело на весь мир заклинателей вовсе не из-за его безупречного лица. Своей славой он был обязан сокрушительному искусству «Ледящего холода одного меча», некогда потрясшему все девять провинций.

Вот только в последние годы мир заклинателей заполнили любители смазливых лиц, и о подлинном смысле старой поговорки все как-то позабыли.

Долина радостных кошмаров исстари служила прибежищем для демонов.

Едва Лян Сюань со своим спутником пересекли её границу, как местная мелкая нечисть тут же почуяла чужаков. Однако проявлять враждебность они не спешили.

И дело вовсе не в гостеприимстве — лесные духи не собирались радоваться незванным гостям. Просто они нутром чуяли: этот человек в белоснежных одеждах им не по зубам.

Не понимая, зачем эти двое явились в их владения, но видя, что они не трогают ни травинки, мелкие демоны предпочли затаиться в тенях и выжидать.

Чем дальше они углублялись в чащу, тем гуще становился сумрак.

Ветер метался между стволами, шуршал листвой и отдавался жутким, похожим на безумное хихиканье шёпотом, от которого по коже бежали мурашки.

Впрочем, Лян Сюань страха не ведал. Подобные зловещие звуки казались ему на удивление родными; он даже принялся тихонько подхихикивать в такт ветру, чем изрядно ошарашил прячущуюся в кустах нечисть.

Скрывавшийся во тьме маленький кошачий демон сокрушался, что напугать чужака не вышло. Впереди лежали покои нового повелителя демонов, и малыш уже места себе не находил от тревоги, как вдруг человек в белом остановился. Он присел на корточки и коснулся ладонью сырой земли.

Почва под ногами была влажной. Рядом со спутанными ветками отчетливо виднелся глубокий извилистый след, будто здесь прополз гигантский змей.

Лян Сюань прищурился, внимательно разглядывая каждую мелочь. Он едва ли не до дыр протер взглядом грязь, но так и не нашел того, что искал.

«И где птичьи следы? Почему нет лап этих двух пернатых тварей?»

«Неужели пронюхали, что дедушка Лян идёт сводить счёты, и в страхе бросили гнездо?»

Несмотря на сомнения, лицо Лян Сюаня оставалось бесстрастным, точно маска. Помедлив мгновение, он холодно бросил в пустоту:

— Кое-чего не пойму. Эй, мелочь, вылезай и объясни.

С этими словами он скосил глаза на ближайший куст.

Маленький демон за кустом мгновенно затаил дыхание.

«Заметил?! Да быть не может, я же спрятался идеально!»

В Долине радостных кошмаров воздух буквально звенел от концентрации демонических миазмов. Будь этот заклинатель хоть трижды всемогущим, он не сумел бы так точно вычислить его укрытие!

Кошачий демон изо всех сил зажал себе рот лапками, мелко дрожа. Но Лян Сюань просто подошёл и бесцеремонно выудил его из листвы за шкуру.

Шаги человека звучали для малыша как погребальный звон. Оказавшись в воздухе, кошачий демон затрепетал под его пристальным, холодным и невероятно красивым взглядом. Не выдержав давления, он разрыдался, и крупные слезы покатались из его глаз.

Лян Сюань оставался холодным и безучастным.

— Я что, такой страшный? — бесстрастно спросил он.

«Только попробуй кивнуть, и я тебя сварю».

Кошачий демон зажмурился.

«Мамочки, он кошмарен! Я теперь спать не смогу!»

— Меньше сырости, — оборвал его Лян Сюань. — Отвечай: Тан Ци и его голубь, Бай Цзю, всё ещё живут здесь?

Малыш мгновенно шмыгнул носом. Его вертикальные кошачьи зрачки расширились от изумления.

— К-кто ты такой?.. Откуда тебе известны имена тех двух демонов?

Лян Сюань опасно прищурился.

— «Тех двух демонов»?

В его словах явно крылся подвох. С каких пор мелкая сошка смеет пренебрежительно называть правителей Долины «теми двумя»?

Да, Тан Ци и его супруг были теми еще слабаками — в своё время Лян Сюань избивал их без особого труда. И всё же они оставались владыками. Мелкая дворняжка не посмела бы так говорить, если только...

— И кто же у вас теперь за главного? Что за чучело восседает на троне? — спросил Лян Сюань.

— Хнык... Как ты смеешь называть Его Величество Зелёного Питона чучелом?! — возмутился кошачий демон.

Всё сошлось. За прошедшую сотню лет Тан Ци и Бай Цзю вполне могли отойти от дел.

Но уйди они на покой с почестями, этот мелкий кошка выказал бы хоть каплю почтения к бывшим владыкам. Значит, смена власти прошла не самым мирным путём.

В борьбе за престол и величие люди не брезгают ничем; демоны в этом плане от них не отличались.

Вытянув из пленника нужные сведения, Лян Сюань брезгливо опустил его на землю и мысленно закатил глаза.

Вся эта чепуха про «безумного тирана Тан Ци и его коварного наложника» и про то, как «великий господин Зелёный Питон пожертвовал собой ради блага демонического рода», была дешёвой пропагандой. Сказал бы проще — устроил переворот, и точка.

Впрочем, те две птицы обладали внушительной силой, занимая седьмую и восьмую строчки в Списке десяти святых. Если этот узурпатор ухитрился одолеть их обоих, он либо действительно силен, либо на редкость подл.

Не будь у Тан Ци вещицы, без которой Лян Сюаню никак не обойтись, он бы в жизни не полез в эти змеиные разборки.

Лян Сюань зашагал дальше, но не успел сделать и нескольких шагов, как кошачий демон

вцепился зубами в подол его робы.

— С ума сошёл?! — прошипел малыш, испуганно оглядываясь. — Я вижу, что ты силён, но против нашего владыки тебе не выстоять! Беги, пока он тебя не почуял!

Он говорил едва слышным шёпотом, страхась, что его услышит кто-то из верных прихвостней нового правителя. В конце концов, губить такую редкую красоту кошачьему племени было искренне жаль.

Малыш действительно желал уберечь чужака от неминуемой гибели, но Лян Сюань его заботы не оценил. Вместо этого он рывкнул во весь голос, будто нарочно накликая беду:

— Бежать? Ещё чего! Я собираюсь зажарить вашего змеёныша на вертеле!

Маленький демон онемел от ужаса.

«И зачем так орать?! Тебе же конец!»

— Сделаю из него жаркое! — продолжал глумиться Лян Сюань.

Кошачий демон мысленно схватился за голову. Какое, к чёрту, жаркое из древнего питона?!

Ветер утих. В наступившей мёртвой тишине отчётливо разнёсся тихий зловещий шорох. В глубине леса что-то стремительно приближалось, шурша палой листвой; звук становился всё громче, всё ближе. Шерсть на загривке кошачьего демона встала дыбом. Он мигом выпустил подол Лян Сюаня и, точно от чумного, сиганул обратно в кусты, оставив снаружи лишь испуганные глаза.

— Он здесь! Владыка идёт! — выдохнул малыш.

В то же мгновение на Лян Сюаня пала колоссальная тень, заслонив скудный свет.

Из чащи выполз исполинский змей. Его чешуя тускло отливала ядовито-зелёным гляncем в полумраке, а раздвоенный язык с противным шипением рассекал воздух.

Лян Сюань медленно поднял голову. Прямо над ним застыли огромные золотые глаза с вертикальными зрачками и оскаленная пасть с острыми, внушающими ужас клыками.

«Жуть какая. Так и подмывает выбить ему эти зубища».

Заметив, что человек в белом задумчиво разглядывает его пасть, Цин Ман приоткрыл зев,

собираясь изречь что-то пафосное.

Но Лян Сюань не дал ему выговорить ни слова. Резко развернувшись, он вложил всю силу в удар ноги. Сапог пришёлся точно в брюхо чудовища. Громадный змей пушечным ядром отлетел назад и с грохотом врезался в вековой ствол, отчего на землю градом посыпались сорванные листья.

Кошачий демон застыл с разинутым ртом.

Тан Ци и Бай Цзю занимали почётные седьмое и восьмое места в Списке десяти святых. Цин Ман одолел их двоих разом, даже не запыхавшись! Он был признанным владыкой, неоспоримым чудовищем!

И его... просто пнули, как шелудивого пса?!

«Я точно сплю. Это бред».

На фоне первобытной тьмы лесной чащи белоснежные одежды Лян Сюаня казались чистым, сияющим лунным светом.

Цин Ман, тяжело дыша, ошарашенно уставился на противника. В его змеиной голове не укладывалось происходящее.

Человек в белом неспешно двинулся вперёд. Ещё минуту назад змей взирал на него свысока, теперь же роли переменялись.

Наконец к Цин Ману вернулась способность соображать, и он пришел в первобытную ярость.

— Да кто ты такой, жалкий червь?! Жизнь надоела?! Как ты посмел поднять на меня ногу?! — взревел он.

Пафосная тирада звучала настолько нелепо, что Лян Сюань даже не удостоил её ответом.

— Где Тан Ци и Бай Цзю? — сухо спросил он.

Услышав забытые имена, змей на мгновение растерялся.

Он шумно сглотнул и попытался вернуть себе величие, криво усмехнувшись:

— Надо же, какие гости. Так ты пришёл за теми ничтожествами? Что, старые дружки?

Лян Сюань смерил его ледяным взглядом, в котором сквозило откровенное безразличие.

— Вопросы здесь задаю я. Отвечай.

От незнакомца веяло такой жадой убийства, что Цин Ман почувствовал, как цепенеет его тело.

Он был хладнокровным существом, но за те века, что провёл в человеческом облике благодаря высокому уровню совершенствования, его тело переняло людские слабости. Сейчас его спину покрыл крупный холодный пот.

Преодолевая липкий страх, Цин Ман оскалился, стараясь говорить уверенно:

— Жалкий слабак и его наложник! В нашем мире правит сила. Они не смогли одолеть меня, так с какой стати им занимать трон? Я прикончил их три года назад!

Едва последнее слово слетело с его губ, как горло змея заполнил вкус жгучей крови. Он даже не заметил движения врага — холодная сталь меча уже по рукоять вошла в его чешуйчатое тело.

Лян Сюань перехватил рукоять левой рукой, а правой вцепился в торчащий клык Цин Мана. Короткий, резкий рывок — и кость с сухим треском переломилась. Захлёбываясь от дикой боли, змей задергался, пытаясь высвободиться, но тяжёлый сапог безжалостно придавил его точно к семи дюймам — самому уязвимому месту. Холодный голос заклинателя прозвучал прямо над ухом, точно приговор:

— Прикончил, значит? Что ж, тогда я прикончу тебя. Какая удачная ночь — тихо, темно... Самое время для долгой и мучительной смерти.

Он говорил буднично, с едва заметной издевательской улыбкой, но для Цин Мана эти слова прозвучали погребальным звоном. Змей рванулся в сторону, силясь уползти, но сапог держал его намертво. Без главного оружия — ядовитых клыков — узурпатор превратился в обычную беспомощную гусеницу.

Видя, что клинок вновь заносится для удара, змей в панике взвыл:

— Нет! Пощади! Я солгал! Они живы! Я не убивал их, они всё ещё живы!

Клинок замер в полудюйме от чешуи. Лян Сюань медленно опустил меч и убрал ногу с его шеи.

Цин Ман судорожно хватал ртом воздух, но не успел он облегчённо вздохнуть, как сверху

раздалось обманчиво мягкое:

— Получается, ты со мной шутки шутить вздумал?

Змей испуганно поднял глаза, но не успел даже сориентироваться — тяжёлый сапог снова прилетел ему прямо в морду.

Раздался глухой удар.

Этот пинок был сокрушительным, но Лян Сюань умышленно бил не насмерть. Цин Ман лишь скорчился на земле, шипя от невыносимой боли.

— Весело, — усмехнулся Лян Сюань.

Цин Ман безмолвно глотал унижение.

— Повторяю: где они?

Спрятав злобу поглубже, змей поспешно прохрипел:

— Я запечатал их демоническую силу и запер в запретных землях Долины...

«Вот оно что. Лишил сил и упрятал с глаз долой. Неудивительно, что они так и не явились на встречу у Ручья пришедшей луны».

Однако Лян Сюаню стало искренне любопытно: как этот никчёмный червяк сумел справиться с двумя высшими демонами?

Несколько весьма убедительных и крайне болезненных приёмов быстро развязали змею язык. Как и предполагал Лян Сюань, новоявленный владыка оказался трусливой бездарностью.

Он одолел Тан Ци и Бай Цзю с помощью редкого яда, запечатавшего их меридианы. А после разыграл целый спектакль: вызвал ослабевших правителей на бой перед всеми подданными, чтобы прослыть героем, победил их одной левой и узурпировал трон.

Поразмыслив, Лян Сюань спросил:

— И почему ты их не прикончил сразу? К чему эти нежности с заточёнными врагами?

— У высших демонов есть внутреннее ядро... — заюлил Цин Ман. — Моих сил не хватило бы,

чтобы расколоть его. Но я поил их соком цветка вечной жизни. Этот яд капля за каплей разъедает ядро изнутри. Если посчитать... им осталось совсем недолго.

Цветок вечной жизни. Лян Сюань помнил описание этого растения из книги. Красивое название сулило бессмертие, но на деле цветок был смертельно опасен — его шипы и сок содержали коварный, медленно действующий яд.

Раз Цин Ман говорит, что срок подходит, значит, у Тан Ци и его голубя времени почти не осталось...

— Веди меня в запретные земли, — приказал Лян Сюань, прищурившись.

В глухом сумраке леса его белоснежный силуэт испускал призрачное сияние. Без тени улыбки на лице он казался не прекрасным небожителем, а безжалостным жнецом смерти.

— Молись, чтобы они были живы, когда мы придём. Если они испустили дух, уверяю тебя: я буду развлекаться с тобой очень долго.

Цин Ман мелко задрожал. Он нутром почуял, что этот безумец не шутит. Если Тан Ци и Бай Цзю мертвы, его ждёт ад на земле.

<http://bllate.org/book/18178/1748635>